



COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

© Центр содействия международной защите, www.ip-centre.ru. Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© Centre of Assistance to International Protection, www.ip-centre.ru. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ЧЕМБЕРА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 7188/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРСБУРГ

3 июля 2008 года

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке

В деле Чембера против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Председатель*,

Нина Ваджич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Хаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Никалау, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *регистратор секции*,

посовещавшись при закрытых дверях 12 июня 2008 года,

вынес следующее постановление, принятое в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 7188/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России г-ном Евгением Витальевичем Чембером («заявитель») 3 февраля 2003 года.

2. Заявителя, который был освобожден от оплаты юридической помощи, в Суде представляла г-жа О.Михайлова, адвокат, практикующий в Москве. Правительство России («правительство») представлял г-н П.Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался на то, что подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и наказанию во время военной службы.

4. 14 января 2005 года Суд принял решение коммуницировать жалобу правительству. На основании положений статьи 29 § 3 Конвенции он принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с приемлемостью.

5. Правительство возражало против одновременного рассмотрения приемлемости жалобы и ее существа. Изучив возражения правительства, Суд их отклонил.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1982 году и проживает в г. Шахты Ростовской области.

A. Служба заявителя в армии

7. 19 и 23 декабря 2000 года заявитель прошел две медицинские комиссии и был признан здоровым и полностью годным к военной службе.

8. На основе медицинских заключений было принято решение призвать заявителя на два года обязательной военной службы в войсках Министерства внутренних дел.

9. Заявитель служил в воинской части № 5464 в Кисловодске. В части его притесняли и плохо относились старослужащие и сержант из-за того, что он был молдаванином.

10. По словам заявителя, в конце января 2001 года он учился на водительских курсах. В гараже командир приказал заявителю и трем другим военнослужащим перенести в другое место задний мост грузовика ЗИЛ. Заявитель повредил позвоночник, а позже в этот же день был жестоко избит, в том числе и ногами, старослужащими за то, что не донес мост достаточно близко к грузовику. В течение следующего дня он просил оказать ему медицинскую помощь, но командир отказал. Заявитель не жаловался на эти факты прокурору или кому-либо другому.

11. 8 февраля 2001 года заявителя перевели в воинскую часть № 6794 в Астрахани (позже она стала № 3025). По словам заявителя, медицинский сотрудник принял к сведению его жалобу на боль в коленях, но не назначил какого-либо лечения. В дальнейшем из расследования стало известно, что заявитель жаловался на повторяющиеся боли в коленях своему начальнику лейтенанту Д., который освободил его от физической подготовки (см. ниже раздел 20).

12. В марте 2001 года командир взвода младший сержант Ч. заставил заявителя и других военнослужащих сделать на улице 350 приседаний в качестве наказания за то, что они не вымыли казарму до последнего пятнышка. Лейтенант Д. присутствовал при этом, но не оспорил приказ. После нескольких сотен приседаний заявитель потерял сознание, и другие солдаты взяли его подмышки и потащили в медчасть.

13. В период с 6 по 26 марта 2001 года заявитель получал неотложную терапию в воинской части № 52218, а затем в воинской

части 3057 до 17 апреля 2001 года. Он не мог самостоятельно стоять и вылезал из кровати, опираясь на спинку.

14. В период с 17 апреля по 23 мая 2001 года заявитель проходил лечение в нейрохирургической клинике Ростовского-на-Дону государственного медицинского университета. При выписке ему был поставлен диагноз: «закрытое повреждение позвоночника в сочетании с нарушением кровообращения спинного мозга на уровне нижней части груди» и был признан не годным для работы.

15. 5 июня 2001 года медицинская комиссия воинской части № 3057 осмотрела заявителя по просьбе командира части № 6794 и поставила ему диагноз: «последствия острого нарушения спинно-мозгового кровообращения в виде рубцово-спаечного эпидурита, арахноидит с ликвородинамическими нарушениями и незначительным расстройством чувствительности на нижних конечностях». Она также установила, что эти заболевания «были получены во время военной службы» и демобилизовала заявителя как «ограниченно годного к военной службе».

16. 28 июня 2001 года заявитель был демобилизован по причине инвалидности.

В. Уголовное разбирательство

17. В неуказанный день мать заявителя обратилась с жалобой к военному прокурору Ростова-на-Дону на превышение полномочий лейтенантом Д. и младшим сержантом Ч

18. 10 мая 2001 года ее жалоба была направлена военному прокурору Астраханского гарнизона, который в свою очередь направил ее 21 мая 2001 года военному прокурору Каспийской флотилии.

19. К своему меморандуму о приемлемости и по существу дела правительство приложило показания лейтенанта Д. и младшего сержанта Ч., а также рядовых А.Л., А.Ш. и В.П., которые начали свою службу 1 февраля 2001 года.

20. 22 мая 2001 года лейтенант Д. заявил следующее:

“В феврале 2001 года рядовой Чембер был переведен в нашу часть... Он был направлен в мое подразделение, т.е. в первый взвод седьмой роты. После перевода в нашу часть он стал жаловаться на периодические боли в коленях. На этом основании я освободил его от физической подготовки; он оставался в расположении роты и нигде не выходил. Примерно две недели спустя рядовой Чембер был направлен на лечение в медчасть из-за острой боли в коленях; я не могу сказать, почему это случилось. Через какое-то время он был переведен в госпиталь в другой город...Я никогда не применял незаконных методов к рядовому Чемберу.”

21. В этот же день младший сержант Ч. показал следующее:

“Я знаю рядового Чембера с февраля 2001 года; он служил в седьмой роте части № 6794, в которой я был командиром отделения. Я обращаю внимания, что Чембер часто обращался в медчасть. Я не знаю, на что он жаловался. Каждый раз, когда я был дежурным офицером по роте, Чембер обычно находился на лечении в медчасти. Мне кажется, он жаловался на боли в ногах. Я не очень хорошо знаю Чембера, поскольку он не был в моем взводе...”

22. В одинаково составленных показаниях рядовые А.Л., А.Ш. и В.П. указывали, что заявитель жаловался на свои «слабые ноги» со дня прибытия в часть 6794, что по этой причине он был освобожден от физической и строевой подготовки и что он часто лечился в медчасти по поводу боли в ногах.

23. 31 мая 2001 года старший следователь военной прокуратуры Каспийской флотилии капитан С. принял решение не возбуждать уголовное дело. Причины полностью указаны следующие:

“В ходе проведенной проверки установлено, что факты превышения должностных полномочий лейтенантом Д. и младшим сержантом Ч. в действительности не имели места.

Из объяснений лейтенанта Д. следует, что рядовой Чембер проходит военную службу в подчиненном ему подразделении. Ни он, ни младший сержант Ч. в отношении рядового Чембера, а равно других военнослужащих в/части 6794 превышения должностных полномочий не допускали, насилия не применяли.

Из объяснений младшего сержанта Ч. следует, что ни он, ни лейтенант Д. в отношении рядового Чембера, а равно других военнослужащих в/части 6794 превышения должностных полномочий не допускали, насилия не применяли.

Все прощенные военнослужащие седьмой роты в/части 6794, в которой проходит военную службу Чембер, показали, что в отношении рядового Чембера никто неуставные взаимоотношения не применял, младший сержант Ч. и лейтенант Д. превышения должностных полномочий в отношении него, а равно других военнослужащих в/части 6794 не допускали.

Таким образом, в ходе проведенной проверки установлено, что младший сержант Ч. и лейтенант Д. Своих должностных полномочий в отношении рядового Чембера, а равно других военнослужащих в/части 6794 не превышали, поэтому в возбуждении уголовного дела в отношении них надлежит отказать за отсутствием события преступления”.

В постановлении указывалось, что оно обжалуется вышестоящему прокурору или в суде.

24. 30 сентября 2002 года мать заявителя направила жалобу вышестоящему прокурору. Она, в частности, писала, что у ее сына никогда не болели колени. Она также указала, что следователь не допросил рядовых П., С., Ц. и Ш., которые являлись очевидцами издевательства.

25. 8 октября 2002 года военный прокурор Каспийской флотилии полковник М. ответил, что ее жалоба не может быть рассмотрена, поскольку материалы проверки 8 августа 2002 года были направлены в Шахтинский городской суд. Он указал, что жалоба будет рассмотрена

по возвращению материалов. Заявитель не получал никакой другой информации в связи с этой жалобой.

С. Гражданское разбирательство

26. 17 марта 2002 года заявитель подал гражданский иск против в/частей 3025 и 5464 и Северокавказского командования внутренних войск МВД с требованием компенсации за моральный вред. Он указал, что травма, полученная им во время военной службы, причинила ему физическую боль, ограничила повседневную жизнь, нарушила его карьеру и жизненные планы и принесла ему чувство разочарованности и несправедливости.

27. Заявитель и его адвокат ходатайствовали перед судом назначить судебно-медицинскую экспертизу на предмет определения происхождения и характера его травмы.

28. 9 апреля 2003 года Шахтинский городской суд Ростовской области своим определением отказал в удовлетворении ходатайства:

“Заслушав стороны и изучив материалы, суд нашел просьбу необоснованной..., поскольку время получения травмы указано в медицинской карте, а это был период военной службы. Установление происхождения и характера существующих болезней не поможет найти ответственных или пролить свет на обстоятельства. Дело содержит постановление не возбуждать дела против сержанта Ч. и лейтенанта Д. от 31 мая 2001 года...”.

29. В этот же день городской суд вынес решение, которым требования заявителя были отклонены. Городской суд изучил медицинские доказательства, представленные заявителем и допросил его сослуживца П., который подтвердил, что младший сержант Ч. заставлял заявителя и других военнослужащих сделать 350 или больше приседаний и что заявитель потерял сознание во время этих упражнений. Суд отметил следующее:

“Рассмотрев все сведения в целом, суд считает этот иск необоснованным..., потому что заявитель не показал, что вред здоровью был нанесен военнослужащим министерства внутренних дел; согласно его заявлению, он почувствовал себя больным в результате чрезмерной (по его мнению) физической нагрузки (физических упражнений, переноса моста грузовика ЗИЛ на руках), плохого обращения старших призывников и сержанта Ч. Однако в материалах дела содержится постановление не возбуждать дела против сержанта Ч. и лейтенанта Д. от 31 мая 2001 года... за отсутствием события преступления. По существующему законодательству, одним из обязательных условий гражданской ответственности за моральный вред является вина правонарушителя...”.

30. Заявитель обжаловал определение и решение суда от 9 апреля 2003 года.

31. 25 июня 2003 года Ростовский областной суд отказал в удовлетворении жалобы:

“Суд первой инстанции отклонил требования, поскольку установил, что не была доказана ответственность ответчиков за причинение вреда здоровью [заявителя]. [Областной] суд считает этот вывод правильным. 31 мая следователь... отказал в возбуждении уголовного дела... Причинная связь между действиями ответчиков и инвалидностью [заявителя] не установлена. Эксперты не могут устанавливать причинную связь между действиями ответчиков и их последствиями, только суд компетентен сделать это”.

D. Пенсионные требования

32. После увольнения заявителя с военной службы, 29 августа 2001 года ему была дана вторая группа инвалидности и ему стала положена гражданская пенсия по инвалидности.

33. Заявитель безуспешно старался вытребовать военную пенсию. 21 мая, 11 июня, 29 июля и 25 декабря 2002 года его мать получала отрицательные ответы от Центральной военно-врачебной комиссии Министерства внутренних дел. Требования отвергались, поскольку он не представил документы, подтверждающие получение травмы позвоночника во время военной службы. Как говорится в этих ответах, заключение от 5 июня 2001 года только устанавливает, что состояние было диагностировано во время военной службы, а не то, что оно было получено во время военной службы.

E. Экспертное заключение, представленное правительством

34. В меморандуме о приемлемости и по существу дела правительство представило заключение двух медицинских экспертов (одного военного и одного гражданского), полученное 10 марта 2005 года. Заключение было подготовлено по поручению помощника Главного военного прокурора, данному 9 марта 2005 года, на предмет определения характера инвалидности заявителя, ее причин и происхождения. Эксперты сделали свои выводы на основе материалов уголовного дела и истории болезни заявителя за 2001 год. Они, в частности, установили следующее:

“Из имеющихся медицинских документов следует, что состояние г-на Чембера имело хронический характер. Учитывая молодой возраст г-на Чембера, историю его болезни (боли в ногах с десяти лет) и хроническое развитие состояния, остеохондроз поясничного отдела позвоночника был получен им в детстве в результате расстройства обмена веществ (дистрофии)... Нынешний воспалительный процесс в позвоночнике (эпидурит и арахноидит) мог случиться... как осложнение инфекционных заболеваний г-на Чембера, перенесенных в детстве, таких как грипп, тонзиллит, фарингит и т.п. Такое состояние позвоночника также имело хронический и продолжительный характер..., что подтверждается наличием рубцово-спаечного эпидурита и комиссурального арахноидита, а также жалобами на боли в ногах с начала военной службы и до призыва на нее.

Никакой объективной информации о том, что это состояние вызвано травмой не обнаружено ни в имеющихся медицинских документах, ни в материалах дела.

Заболевания г-на Чембера носят хронический и длительный характер, они могли быть вызваны наследственными факторами (по имеющимся документам, его дядя страдал теми же заболеваниями)..."

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Гражданский кодекс

35. В общих положениях об ответственности за причинение вреда говорится следующее:

Статья 1064. Общие основания ответственности за причинение вреда

"1. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина,... подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред ...

2. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине ..."

В. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (действовавший до 1 июля 2002 года)

36. Жалобы на действия или решения прокурора могут подаваться вышестоящему прокурору (статья 220). Прокурор в течение трех суток по получении жалобы обязан рассмотреть ее и уведомить заявителя о результатах рассмотрения (статья 219).

С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (действует с 1 июля 2002 года)

37. Если уголовное преследование прекращается на этапе расследования, потерпевший или гражданский истец могут предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело не было прекращено по следующим основаниям: (а) отсутствие состава преступления, (b) подозреваемый не участвовал в преступлении (статья 213 § 4, статья 24 § 1 (1) статья 27 § 1 (1)).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался на то, что подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время военной службы в нарушение статьи 3 Конвенции, в которой говорится следующее:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Приемлемость

39. Суд отмечает, что дурное обращение в воинской части № 5464 в Кисловодске предположительно имело место в январе 2001 года, а после этого заявитель не обращался с ходатайством о проведении проверки этих фактов. Поскольку он обратился в Суд 3 февраля 2003 года, жалоба на эти факты была подана за временным пределом и должна быть отклонена на основании статьи 35 §§ 1 и 4 Конвенции.

40. Суд считает, что жалоба, касающаяся дурного обращения в воинской части № 6794 (3025) в Астрахани, не является очевидно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также считает, что она не является неприемлемой и по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлено приемлемой.

B. Существо

1. Предполагаемое дурное обращение во время военной службы

(а) Аргументы сторон

41. Правительство отрицает, что заявитель подвергался дурному обращению в какой-либо форме в воинской части № 6794. Ссылаясь на экспертное заключение от 10 марта 2005 года (см. выше раздел 34) оно утверждает, что инвалидность заявителя была вызвана хроническими болезнями, которые у него были до призыва на военную службу, но были диагностированы впервые во время нее. Относительно содержания справки от 5 июня 2001 года правительство пояснило, что описание болезней как «полученных во время военной службы» также включает и ситуацию подобную заявителя, когда болезнь существовала до призыва, но ее обострение или осложнение во время военной службы делает военнослужащего негодным для дальнейшей службы. Заявитель не сказал врачам на призывной комиссии о заболевании колен.

42. Заявитель считает, что в конкретных условиях военной службы правительство несет как позитивные, так и негативные обязательства на основании статьи 3 Конвенции. Позитивные обязательства заключаются в установлении того, что призванные на военную службу лица в достаточной мере здоровы и годны для такой службы. Поверхностный медицинский осмотр, проведенный призывной комиссией, в его случае оказался недостаточным для диагностирования болезни, приведшей к его демобилизации и инвалидности. Кроме того, что касается негативных обязательств по статье 3, то заявитель указывает, что военнослужащие вертикально подчинены своему командиру и находятся под полным контролем государственных властей. Вышестоящие командиры заставили его делать физические упражнения, которые не вызывались воинскими потребностями, а именно: приседать 350 раз. Эта чрезмерная нагрузка вызвала обострение болезни и инвалидность. Его оценка фактов была поддержана свидетельством сослуживца П. в национальных судах

(b) Установление фактов

43. Суд отмечает, что факты, относящиеся к службе заявителя в воинской части № 6794 в Астрахани, не оспариваются сторонами.

44. Заявитель прибыл в эту воинскую часть в феврале 2001 года. Из его собственных показаний, как и утверждений его командиров и сослуживцев, следует, что у него болели колени. По причине болезни колен его непосредственный начальник лейтенант Д. освободил его от физической и строевой подготовки (см. письменные показания лейтенанта Д. и других военнослужащих выше в разделах 20 и 22). Также ясно, что несколько раз заявитель лечил колени в медчасти.

45. В марте 2001 года младший сержант Ч. в присутствии лейтенанта Д. приказал заявителю и другим сделать 350 приседаний в качестве наказания за неуборку казармы. Заявитель потерял сознание во время выполнения этих приседаний и был помещен в госпиталь для неотложного лечения. Рядовой П., которому также было приказано сделать это, подтвердил эти факты в городском суде (см. выше раздел 29).

46. После лечения в гражданском госпитале у заявителя было диагностировано закрытое повреждение позвоночника, он был уволен с военной службы и получил вторую степень инвалидности.

(c) Оценка жестокости дурного обращения

47. Задача Суда заключается в том, чтобы установить, отражают ли установленные выше факты нарушение гарантий от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания в соответствии со статьей 3 конвенции.

48. Суд напоминает, что в статье 3 Конвенции закреплены одни из наибольших ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см., например, *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Дурное обращение должно иметь минимальную степень жестокости, чтобы подпасть под действие статьи 3. Оценка этого минимума зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физического и морального воздействия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978 года, Series A no. 25, p. 65, § 162).

49. Суд постоянно подчеркивал, что рассматриваемые страдания и унижение должны в любом случае выходить за рамки неизбежного элемента страданий и унижения, связанного с конкретной формой законного обращения и наказания (см. *Kudla v. Poland* [GC], no. 30210/96, §§ 92-94, ECHR 2000-XI). Обязательная военная служба часто включает этот элемент, как и меры по лишению лица свободы. Однако многие действия, которые бы представляли собой бесчеловечное или унижающее достоинство обращение по отношению к заключенным, могут не достигать границы дурного обращения, если они происходят в вооруженных силах в случаях, когда служат специфической миссии вооруженных сил в том, что составляют, например, часть боевой подготовки (см. с соответствующими поправками, *Engel and Others v. the Netherlands*, постановление от 8 июня 1976 года, Series A no. 22, § 57).

50. Тем не менее, на государстве лежит обязанность обеспечить, чтобы гражданин нес военную службу в условиях, совместимых с уважением к его человеческому достоинству, чтобы порядок и методы военной подготовки не причиняли ему боль и страдания в степени, превосходящей неизбежный уровень мук, свойственный военной подготовке, и чтобы с учетом практических требований такой службы его здоровье и благополучие должным образом обеспечивались, помимо прочего, путем предоставления требуемой ему медицинской помощи (см. *mutatis mutandis*, *Kılınç and Others v. Turkey*, no. 40145/98, § 41, 7 июня 2005 года, и *Álvarez Ramón v. Spain* (пост.), no. 51192/99, 3 июля 2001 года). На государстве лежит первостепенная обязанность ввести правила, определяющие уровень угрозы жизни или телесного повреждения, которая может проистекать не только от самого характера военной деятельности, но и от человеческого фактора, который вступает в действие, когда государство принимает решение призвать обычных граждан на военную службу. Такие правила должны потребовать принятия практических мер, направленных на эффективную защиту призывников от опасностей, свойственных

военной жизни, и соответствующих методов определения недоработок и ошибок, которые могут допустить в этом отношении ответственные лица на различном уровне (см. упоминавшееся выше дело *Kılınç*, § 41 *in fine*).

51. В соответствии с неизменным подходом Суда, обращение считается «бесчеловечным», если является преднамеренным, длится в течение нескольких часов подряд и приносит или реальные телесные повреждения, или глубокое физическое или моральное страдание (см. как классический источник дело *Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды против Греции* («Греческое дело»), жалобы №№ 3321/67, 3322/67, 3323/67 и 3344/67, Доклад Комиссии 5 ноября 1969 года, Ежегодник XII, а также упоминавшееся выше дело *Kudła*, § 92). Вопрос о том, было ли целью такого обращения заставить жертву страдать, – это еще один фактор, который нужно учитывать, но отсутствие такой цели не может с определенностью исключить нарушение статьи 3 (см. упоминавшееся выше Греческое дело, а также *Peers v. Greece*, по. 28524/95, § 74, ECHR 2001-III).

52. Суд вновь повторяет, что, даже если требующие напряжения сил физические упражнения являются неотъемлемой частью военной подготовки, то для того, чтобы они были совместимы со статьей 3, они не должны превышать уровень, за которым будет угроза здоровью и благополучию призывников или оскорбление их человеческого достоинства. В данном случае заявителю, о больных коленях которого было известно, было приказано сделать 350 приседаний, что представляется задачей, требующей особо больших усилий. Суд, однако, не видит необходимости определять *in abstracto*, был ли этот конкретный приказ совместим с требованиями статьи 3, поскольку он рассмотрит следующие факты дела, которые считает решающими для оценки соответствия статье 3.

53. Заявителю приказали приседать в качестве наказания за недостаточно тщательно вымытую казарму. Приказ был отдан его непосредственным командиром младшим сержантом Ч. Он был молчаливо одобрен вышестоящим командиром лейтенантом Д., который присутствовал при этом, но не оспорил приказ. Из этого следует, что обращение с заявителем, которое обжалуется, было преднамеренным.

54. Из показаний, собранных в рамках внутригосударственного расследования, очевидно, что и лейтенант Д., и младший сержант Ч. прекрасно знали о больных коленях заявителя с момента его прибытия в воинскую часть (см. выше разделы 20 и 21). Как отмечалось выше, ранее лейтенант Д. освободил заявителя по здоровью от физической и строевой подготовки. Несмотря на свою осведомленность о конкретных проблемах со здоровьем заявителя, командиры заставили его делать именно те упражнения, которые вызвали большую нагрузку

на колени и позвоночник. В этих условиях Суд не может не признать, что обращение было и преднамеренным, и рассчитанным на причинение физических страданий заявителю. Суровость наказания, как очевидно, не может быть оправдана какими-либо требованиями военной службы или подготовки или рассматриваться как способствующая выполнению особой миссии вооруженных сил (сравни упоминавшееся выше дело *Engel*, § 57).

55. Что касается последствий рассматриваемого наказания, то Суд отмечает, что заявитель на месте потерял сознание и у него отказали ноги. Несмотря на неотложное лечение сначала в военном госпитале, а потом в гражданской больнице, повреждение привело к длительному нарушению его здоровья. Заявитель был уволен с военной службы и получил вторую степень инвалидности.

56. Оценивая вышеизложенные факты в целом, Суд считает, что в данном деле заявитель был насильственно подвергнут физическим упражнениям до потери сознания. Это наказание было применено преднамеренно его командирами при полной осведомленности о его конкретных проблемах со здоровьем и без какой-либо военной необходимости, которая могла бы вызвать такой ход действий. По мнению Суда, при таких обстоятельствах такое наказание вызвало у заявителя глубокие физические страдания и вышло за пределы минимального уровня жестокости.

57. Учитывая вышеизложенные соображения, Суд полагает, что заявитель был подвергнут бесчеловечному наказанию в нарушение статьи 3 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение материального аспекта этой статьи.

2. Предполагаемая неполнота расследования

58. Правительство утверждает, что расследование жалобы заявителя было проведено эффективно. Хотя военный прокурор Каспийской флотилии и не ответил на жалобу матери заявителя, но в этом ответе уже и не было необходимости после решения Шахтинского городского суда от 9 апреля 2003 года.

59. Заявитель указывает, что по его жалобе не было возбуждено уголовное дело. В связи с этим показания военнослужащих не имеют доказательной силы, поскольку они официально не допрашивались как свидетели и не были предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Следователь не допросил заявителя, его сослуживца П. и других военнослужащих, которые были очевидцами дурного обращения. Его мать не получила ответа на жалобу военному прокурору Каспийской флотилии.

60. В настоящем деле Суд выше установил, что заявитель потерял сознание вследствие изматывающих упражнений, которые приказал сделать его непосредственный командир младший сержант Ч. при

молчаливом одобрении лейтенанта Д. в качестве наказания за неуборку казармы. Независимо от того, было ли внезапное ухудшение здоровья заявителя вызвано травмой или осложнением прежде не диагностированных болезней, серьезность причиненного вреда дает основания для «спорного утверждения» о дурном обращении.

61. Суд повторяет, что в случае, когда лицо выдвигает спорную жалобу о весьма дурном обращении с ним в нарушении статьи 3, то положения этой статьи в совокупности с общими обязательствами государства, предусмотренными статьей 1 Конвенции: «обеспечить каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции» по смыслу требуют проведения эффективного официального расследования. Обязанность провести расследование – это «не обязанность результата, а обязанность использования средств»: не каждое расследование обязательно должно быть успешным или прийти к выводу, совпадающему с представлением заявившего о событиях. Однако оно должно быть в принципе способно привести к установлению фактов по делу и, в случае подтверждения выдвинутых претензий, к выявлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование серьезных предположений о дурном обращении должно быть тщательным. Это означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки узнать, что случилось, и не должны полагаться на спешные или слабо аргументированные заключения для прекращения расследования или брать из за основу для своих решений. Они должны предпринять все разумные меры, имеющихся в их распоряжении, для получения доказательств по делу, включая, *inter alia*, свидетельства очевидцев, судебные доказательства и т.д. Любое упущение в расследовании, которое подрывает его способность установить процесс причинения вреда или личности ответственных за это, создает возможность несоответствия этому стандарту (см. среди прочего *Мухеев против России*, № 77617/01, § 107 и далее, 26 января 2006 года, и *Assenov and Others v. Bulgaria*, постановление от 28 октября 1998 года, Доклады 1998-VIII, § 102 и далее).

62. Суд вначале отмечает, что расследование не может быть названо достаточно тщательным. Следователь не назначил медицинское освидетельствование заявителя и с этими же целями не обратился к медицинским документам, которые он мог бы затребовать. Единственными поименованными свидетелями в постановлении следователя были лейтенант Д. и младший сержант Ч., т.е. командиры заявителя, на которых и была направлена жалоба. Невозможно установить значимость показаний других свидетелей, которые не были названы в постановлении по именам или званиям. Неопределенно даже их число: правительство говорит о трех показаниях военнослужащих в то время, как в постановлении следователя содержится ссылка на

«всех военнослужащих седьмой роты», т.е. на сто человек. Кроме того, очевидно, что следователь не допросил тех солдат, которые могли быть очевидцами предполагаемого дурного обращения, как например, сослуживца заявителя П.

63. Суд далее считает, что не было обеспечено право заявителя на активное участие в расследовании. Следователь не допросил его лично, версия заявителя о событиях не была даже упомянута в постановлении. Поскольку уголовное дело не было возбуждено, заявитель не мог официально претендовать на статус жертвы или пользоваться процессуальными правами, вытекающими из этого статуса.

64. Суд, наконец, считает, что отсутствие ответа надзирающего прокурора по существу направленной ему жалобы было нарушением уголовно-процессуальных норм, которое размыло полноту расследования в целом. Хотя такая жалоба и не является «эффективным средством правовой защиты» по смыслу статьи 35 Конвенции, поскольку не дает лицу, прибегающему к нему, личного права на осуществление государством его надзорных полномочий (см., например, *Белевицкий против России*, № 72967/01, § 59, 1 марта 2007 года), в российской правовой системе она является важной процессуальной гарантией, позволяющей надзирающему прокурору исправить недостатки первоначального расследования, проведенного подчиненными следователями. Лицо, направившее такую жалобу, не может участвовать в ее рассмотрении, но, тем не менее, имеет право на получение информации о решении, принятом по ней (см. выше раздел 36). Правительство не отрицает, что военный прокурор полковник М. не рассмотрел по существу жалобу матери заявителя в связи с постановлением не возбуждать уголовное дело. Оно утверждает, что ответ более не требовался и в нем не было необходимости после решения городского суда по иску о возмещении вреда. Суду очевидна ошибочность такого аргумента. Во-первых, городской суд согласился со сведениями, содержащимися в постановлении следователя без независимого рассмотрения вопроса, а позже надзирающий прокурор не стал рассматривать постановление, поскольку оно уже было одобрено городским судом. Заявитель, таким образом, оказался в порочном кругу перебрасывания ответственности, когда ни один национальный орган не мог рассмотреть и исправить недостатки расследования, проведенного следователем капитаном С.

65. Учитывая вышеуказанные провалы российских властей, Суд считает, что расследование утверждений заявителя о дурном обращении не было тщательным, полным и эффективным. Соответственно, имело место нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

66. Суд далее принял решение рассмотреть *proprio motu*, были ли у заявителя при таких обстоятельствах дела эффективные средства правовой защиты для обжалования дурного обращения во время военной службы в гражданском законодательстве, как того требует статья 13 Конвенции, в которой говорится следующее:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

A. Приемлемость

67. Суд считает, что эта жалоба не является очевидно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Он также считает, что она не является неприемлемой и по любым другим основаниям. Поэтому она должна быть объявлено приемлемой. .

B. Существо

68. Правительство считает, что не имело место нарушение права заявителя, предусмотренного статьей 13 Конвенции

69. Заявитель утверждает, что в российской правовой системе существует возможность добиваться возбуждения уголовного дела или подать гражданский иск о возмещении нанесенного вреда. Он прибег к последнему средству правовой защиты, который оказался неэффективным, поскольку от него требовалось доказать вину государственных служащих. Бремя такого доказательства является невыносимым в условиях отсутствия эффективного уголовного расследования.

70. Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для реализации существа прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в любой форме, в которой они могли бы быть обеспечены в национальной правовой системе. Действие статьи 13, таким образом, заключается в том, чтобы требовать предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа «спорной жалобы» на основании Конвенции и предоставлять соответствующее удовлетворение, хотя Договаривающимся Сторонам предоставлено определенное усмотрение в том, что касается способа их соответствия обязательствам по этому положению Конвенции. Объем обязательств по статье 13 различен и зависит от характера жалобы заявителя на

нарушение прав, предусмотренных Конвенцией. Тем не менее, средства правовой защиты, которых требует статья 13, должны быть «эффективными» как в практическом плане, так и с точки зрения закона. В частности, их применение не должно неоправданно сдерживаться действиями или бездействиями властей государства-ответчика. Таким образом, в делах, касающихся подозрительной смерти или дурного обращения, учитывая фундаментальную важность прав, защищаемых статьями 2 и 3, статья 13 требует в дополнение к выплате компенсации, где это необходимо, тщательного и эффективного расследования, способного привести к выявлению и наказанию ответственных за акты дурного обращения (см. *Cobzaru v. Romania*, № 48254/99, §§ 80-82, 26 июля 2007 года; *Anguelova v. Bulgaria*, № 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; и *Süheyla Aydın v. Turkey*, № 25660/94, § 208, 24 мая 2005 года).

71. Суд уже установил, что государственные власти несут ответственность за бесчеловечное наказание, наложенное на заявителя его командирами в марте 2001 года. У заявителя, таким образом, было «спорное утверждение» для целей статьи 13, и на властях лежала обязанность провести эффективное расследование его жалобы на командиров. В указанных выше целях нельзя считать, что было проведено эффективное уголовное расследование в соответствии со статьей 13, требования которой шире, чем обязанность расследовать по статье 3 (см. упоминавшееся выше дело *Cobzaru*, § 83, *mutatis mutandis*, *Buldan v. Turkey*, № 28298/95, § 105, 20 апреля 2004 года, и *Tanrikulu v. Turkey*, № 23763/94, § 119, ECHR 1999-IV). Соответственно, все другие средства правовой защиты, имевшиеся у заявителя, включая иск о возмещении вреда, имели мало шансов на успех и могут считаться теоретическими и иллюзорными, не могущими обеспечить восстановление прав заявителя. Хотя гражданское судопроизводство теоретически правоспособно дать независимую оценку фактам, на практике значение, придаваемое предшествующему уголовному расследованию, столь высоко, что даже самое убедительное противоречащее доказательство, представленное потерпевшим, будет отвергнуто, и такое средство правовой защиты окажется всего лишь теоретическим и иллюзорным (см. *Менешева против России*, № 59261/00, § 77, 9 марта 2006 года, и *Corsacov v. Moldova*, no. 18944/02, § 82, 4 апреля 2006 года). Об этом свидетельствует тот факт, что городской и областной суды в данном деле отклонили иск заявителя о возмещении вреда со ссылкой на то, что в постановление следователя вины не установлено (см. выше разделы 29 и 31). Суды просто подтвердили мнение следователя о том, что утверждения заявителя необоснованны, без оценки фактов по делу.

72. Суд далее отмечает примечательную особенность российского уголовного законодательства, которое обуславливает возможность

подачи гражданского иска о возмещении вреда предполагаемым причинителем основаниями, по которым уголовное разбирательство было прекращено. Решение прекратить уголовное разбирательство за отсутствием события преступления с юридической точки зрения преграждает доступ к гражданскому судопроизводству с иском о возмещении вреда, вытекающему из этого же события (см. выше раздел 37). В результате применения этих правовых положений решение не возбуждать уголовного дела в отношении командиров заявителя за отсутствием события преступления (см. выше раздел 23) послужило препятствием заявителю для удовлетворения иска заявителя о возмещении вреда в гражданском судопроизводстве.

73. Суд, следовательно, считает, что у заявителя не было эффективных средств правовой защиты в связи с его жалобой на дурное обращение во время военной службы. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

74. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

74. Суд указывает, что на основании правила 60 Регламента суда требования справедливой компенсации должны быть разнесены по пунктам и представлены в письменном виде вместе с поддерживающими и подтверждающими документами, «при невыполнении чего палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично».

75. 12 апреля 2005 года суд предложил заявителю представить требования о справедливой компенсации до 31 мая 2005 года. Он их не представил.

76. При таких обстоятельствах Суд обычно ничего не присуждает. В данном деле, однако, Суд установил нарушение права заявителя не подвергаться бесчеловечному наказанию. Поскольку это право носит абсолютный характер, Суд в порядке исключения считает возможным присудить заявителю 10 000 евро в качестве компенсации за моральный вред (ср. *Игорь Иванов против России* № 34000/02, § 50, 7 июня 2007 года, и *Mayzit против России*, № 63378/00, §§ 87-88, 20 января 2005 года), плюс сумму всех налогов, которыми эта сумма может облагаться.

77. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

**ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД
ЕДИНОГЛАСНО:**

1. *Объявил* жалобы, касающиеся дурного обращения в воинской части № 6794 (3025) в Астрахани и отсутствия в гражданском законодательстве средств правовой защиты, приемлемыми, а остальные жалобы неприемлемыми;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечным обращением с заявителем в воинской части № 6794 (3025) в Астрахани;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неэффективным расследованием дурного обращения с заявителем;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;
5. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации за моральный вред в переводе в рубли по курсу на дату выплаты плюс сумму всех налогов, которыми эта сумма может облагаться;
 - (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 3 июля 2008 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

СОРЕН НИЛЬСОН
Регистратор

ХРИСТОС РОЗАКИС
Председатель